PG
3549
.M35B4

СЕРГѢЙ МАНЕНКОВЪ.

БЕЗБОЖНИКЪ

ИЛИ

БУДУТЪ ЛИ БѢДНЫЕ ВЪ РАЮ?

(Изъ личныхъ воспоминаній рабочаго).

Нью-Іоркъ
1914

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class

Book

~~YUDIN COLLECTION~~

1

204
1950

БЕЗБОЖНИКЪ

— или —

Будутъ ли бѣдные въ раю?

(Изъ личныхъ воспоминаній рабочаго).

Сочиненіе
СЕРГѢЯ МАНЕНКОВА.

Нью-Іоркъ
1914

PG 3549
.M35B4

(Copyright 1914, by Sergei Manenkoff)

$0.10
DEC 30 1914
©CLA388996
no 1

Воскресенье. Было около девяти часовъ утра. По большому фабричному двору то и дѣло ходили рабочіе. Нѣкоторые шли за ворота на улицу, большинство же шло во дворъ, направляясь въ глубь двора, къ виднѣвшемуся двухэтажному зданію, тоже похожему на фабрику, но называвшемуся спальней. Многіе, что шли во дворъ, возвращались отъ ранней обѣдни. Они были голодны, какъ волки, и каждый несъ какой-либо свертокъ или пакетъ, наполненный какимъ-либо съѣстнымъ продуктомъ, владѣлецъ коего заранѣе предвкушалъ роскошь наполненія имъ желудка за утреннимъ чаемъ.

Сегодня батюшка задержалъ ихъ долѣе обыкновеннаго на цѣлыхъ полчаса. Онъ говорилъ проповѣдь „О вредѣ соціализма", называлъ ихъ волками въ овечьей шкурѣ, смутьянами и бунтовщиками. Въ заключенье сказалъ, чтобы не брать и не читать никакихъ книгъ отъ тѣхъ людей, которые непочтительно выражаются о священствѣ и начальствѣ и остерегаться тѣхъ людей, что въ церковь не ходятъ.

Подъ впечатлѣніемъ вышесказаннаго, они шли, оживленно разсуждая о только что слышанномъ, и, соглашаясь вполнѣ съ рѣчью батюшки, у нѣкоторыхъ срывались довольно нелестныя фразы и пожеланія по адресу соціалистовъ. Болѣе же торопливые или голодные уже бѣжали съ кувшинами и чайниками за кипяткомъ въ кухню.

Въ кухнѣ около самой двери, стоялъ огромный кубъ,

вмазанный въ кирпичныя стѣны. Видна была только блестящая мѣдная крышка, чуть поменьше велосипеднаго колеса. Поваръ, или кухарь, какъ его называли рабочіе, здоровый и крѣпкій мужикъ съ черной окладистой бородой, въ которой, точно серебряныя нитки, блестѣли сѣдые волосы. Онъ только что долилъ кубъ, а теперь, стоя согнувшись на колѣняхъ, подбрасывалъ дрова въ небольшое отверстіе топки, прикрякивая за каждымъ брошеннымъ полѣномъ отъ неудобнаго положенія. Отверстіе топки было сдѣлано всего на одну четверть аршина отъ пола. Но вотъ, бросивъ послѣднее полѣно, онъ сплюнувъ въ отверстіе топки и всталъ съ колѣнъ, вынулъ изъ кармана засаленной куртки синій платокъ съ бѣлыми горошенками, сталъ вытирать вспотѣвшее лицо.

Нѣсколько человѣкъ стояли около куба, ожидая когда вода въ кубѣ закипитъ. Подростокъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, Яшка (какъ его все звали), разбитной и бойкій малый, подскочилъ къ повару, спрашивая:

— Скоро поспѣетъ, дядя Егоръ?

— Не только что поспѣлъ, а давно переспѣлъ твой дядя Егоръ, — отвѣтилъ поваръ.

Всѣ окружающіе дружно асмѣялись.

— Хотѣлъ бы я видѣть, какъ то ты поспѣешь, — добавилъ поваръ, набивая трубку табакомъ.

Яшка, замѣтивъ свою ошибку, покраснѣлъ, какъ ракъ, но не потерялъ духа. Онъ былъ изъ тѣхъ, что въ карманъ за словомъ не лѣзутъ. Къ тожу же онъ былъ мастеръ пѣть частушки и отчаянный плясунъ. Онъ гордился этимъ. Его уважали всѣ его товарищи, да и постарше его ребята считали его за равнаго себѣ. Въ виду

всего этого онъ чувствовалъ, что онъ, „Яшка“, осмѣянъ и униженъ; ему хотѣлось сказать какую-нибудь колкость, чтобы противникъ почувствовалъ, какъ непріятно быть осмѣяннымъ. Онъ тряхнулъ головой, сдѣлалъ шагъ впередъ и отвѣтилъ:

— Поживемъ — увидимъ, куда мы доѣдемъ; вы же посѣвали, а зачѣмъ — не знали !..

— Какъ это не знали, молокососъ!.. Тоже учить лѣзетъ!..

— Да такъ, — задорно продолжалъ Яшка, — многіе старики и теперь говорятъ, что земля то на трехъ китахъ держится. А по нашему такъ вотъ она какъ вертится... Онъ поставилъ лѣвую ногу на правую, и на правомъ носкѣ, какъ волчокъ, первернулся два раза; затѣмъ, топнувъ лѣвой ногой объ полъ, посмотрѣлъ помутившимися глазами на Егора, и, ударивъ въ дно большого жестянаго чайника, точно въ бубенъ, проговорилъ: видѣлъ?..

— Тьфу, ты, пострѣлъ! — проворчалъ Егоръ, направляясь на другой конецъ кухни, гдѣ была его комната.

Кто-то крикнулъ: „кубъ поспѣлъ!“

Егоръ, нехотя, повернулся, подошелъ къ кубу, и открылъ клапанъ на крышкѣ. Паръ, съ шумомъ и шипѣньемъ, вырвался изъ отверстія, скрываясь въ огромномъ колпакѣ надъ кубомъ.

Рабочіе, спѣша, толкались, и, ругаясь, становились въ очередь, подходя къ крану и наполняя свои чайники и кувшины.

Въ кухнѣ стояло нѣсколько длинныхъ столовъ, съ такими же длинными скамейками; за нѣкоторыми столами, группами по два, три и четыре человѣка, сидѣли рабочіе и пили чай. Отъ одного стола всталъ молодой человѣкъ.

Онъ былъ средняго роста, съ красиво закрученными темнорыжими усами, круглымъ лицомъ и сѣрыми проницательными, умными глазами. Назывался онъ Семенъ Матвѣевъ Аверьяновъ. Компаніонъ его по чаепитію былъ молодой человѣкъ съ безусымъ лицомъ и свѣтлыми, точно льняными волосами, тоже круглолицый, съ задорно вздернутымъ къ верху носомъ, съ ямочками на щекахъ и подбородкѣ. Это былъ веселый парень. Онъ такъ заразительно могъ смѣяться, а лицо его во время смѣха было такое веселое и смѣшное, съ совершенно какъ-бы защуренными глазами, что казалось, что у него смѣется все въ отдѣльности: смѣялся носъ, задранный кверху, смѣялись ямочки на щекахъ и подбородкѣ и самъ подбородокъ смѣялись свѣтло-голубые глаза, открывающіеся до натуральнаго положенія, только во время передышки, когда онъ набиралъ воздуху, чтобы снова разразиться все заражающимъ смѣхомъ. Назывался онъ Тихономъ Ивановичемъ Рогулиномъ. (Между собой они обращались по-фамиліи).

— Такъ захватишь все, г. Рогулинъ, — обратился къ нему Аверьяновъ, закуривая папироску.

Это относилось къ чайной посудѣ, которую они приносили каждый разъ изъ спальни.

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! — улыбаясь, отвѣтилъ Рогулинъ, наливая себѣ еще стаканъ чаю.

Аверьяновъ затянулся папиросой, выпустилъ большой клубъ дыму, изъ котораго выдѣлилось малснькое колечко. Онъ, слѣдя за его полетомъ, не спѣша, точно подыскивая рифму или пословицу, проговорилъ:

— Пусть мясники гордятся этими чинами, а мы ужъ проживемъ рабами.

— Какіе мясники? — спросилъ Рогулинъ, и въ его глазахъ забѣгали веселые огоньки его заразительнаго смѣха. Онъ зналъ, что Аверьяновъ могъ порой мѣтко шутить и острить.

— Да тѣ, которые учатся людей убивать, которымъ и принадлежатъ въ большинствѣ эти чины и титулы, — отвѣтилъ Аверьяновъ.

— Такъ значитъ, они Ихъ Мясное Превосходительство!—воскликнулъ Рогулинъ. Его глаза закрылись, лицо уморительно сморщилось отъ смѣха, блюдце выскользнуло изъ рукъ, чай разлился по столу, а самъ онъ повалился на столъ отъ смѣха, говоря прерывающимся голосомъ:

— Уморушки!.. Ихъ Мясное Провесходительство!.. Охъ!.. Умру... Уморилъ... Вотъ бы, вотъ бы имъ... — опять принимая сидячее положеніе, пробовалъ онъ говорить, положительно задыхаясь отъ смѣха. Онъ уже вообразилъ разныя комическія и смѣшныя сцены и никакъ не могъ успокоиться.

Аверьяновъ усмѣхнулся, посмотрѣлъ на него снисходительно, какъ на школьника и повторилъ:

— Такъ ты захвати тутъ все, — и вышелъ изъ кухни.

— Захвачу, — проговорилъ ему вслѣдъ Рогулинъ.

Аверьяновъ пошелъ въ спальню. Онъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ. Спальня представляла изъ себя родъ солдатской казармы: три ряда сплошныхъ наръ тянулись во всю длину помѣщенія. Нары были двойныя, раздѣленныя посрединѣ двумя сколоченными досками, вродѣ конька деревенской крыши. То было изголовье, на которомъ лежали кое-гдѣ подушки, засаленныя и свѣтящіяся отъ грязи, гдѣ вродѣ мѣшковъ, наполненныхъ разнымъ хламомъ, служившихъ вмѣсто подушекъ. Спали они голо-

вами вмѣстѣ, а ногами къ проходамъ, — на ту и другую сторону прохода. Подъ окнами стояли разные ящики, на подобіе столовъ, съ крышками, оторванными отъ тѣхъже ящиковъ и прибитыми къ какому-либо обрубку дерева. Такая же мебель была и для сидѣнья: обрубки дерева, ящики и самодѣльные козелки на подобіе скамеекъ.

На столахъ (если ихъ можно назвать столами) видны были слѣды прежнихъ употребленій пищи. Щели этихъ столовъ обильно были наполнены жирной грязью, изъ остатковъ прежней пищи, въ которой невозмутимо проживало царство бѣлыхъ червячковъ, въ изобиліи получая пищу въ видѣ крошекъ хлѣба и разливаемыхъ жидкостей. Но они были вѣжливы, или же боялись дневного свѣта, и только изрѣдка показывались на поверхность, да и не было нужды. Случалось, кто-либо не преднамѣренно между разговоромъ ковырнулъ спичкой въ такой щели, то поднималась отвратительная вонь и показывались щелинные обитатели, а ему замѣчали:

— Ну, что ты дѣлаешь? Перестань!..

И онъ переставалъ. Щелинное царство успокаивалось, входя въ обычную колею.

Теперь за этими столами сидѣли группами рабочіе, пришедшіе отъ обѣдни, и пили чай, угощаясь разной снѣдью; другіе же, которые не ходили въ церковь, уже отпили и играли гдѣ въ карты, въ фильку, гдѣ въ шашки, а остальные сидѣли или стояли группами, разговаривая на разныя темы.

Аверьяновъ, войдя въ спальню, не спѣша шелъ по проходу, порой останавливаясь около той или другой группы, затѣмъ, не найдя ничего для себя интереснаго, пошелъ къ своему мѣсту спанья, выдвинулъ изъ подъ

наръ черный дорожный сак-вояжъ, открылъ его. Сак-вояжъ былъ полонъ книгъ и брошюрокъ. Онъ сталъ перебирать книги, порой задумываясь надъ заглавіемъ или любуясь имъ, перелистывалъ страницу, другую, пробѣгалъ глазами, закрывалъ, клалъ и бралъ другую. Вотъ знакомый Некрасовъ. Аверьяновъ посмотрѣлъ на факсимилэ, на фотографію поэта, перевернулъ нѣсколько листовъ, присѣлъ на корточки около сак-вояжа, и незамѣтно углубился въ чтеніе. Прочитавъ нѣсколько листовъ, онъ тряхнулъ головой, точно соглашаясь съ чѣмъ-то. Потомъ, закрывъ книгу, положилъ ее на нары и сталъ закрывать сак-вояжъ. Но тутъ, немного краснѣя, подошелъ Яшка, говоря:

— Семенъ Матвѣичъ, дайте почитать еще какую-нибудь книжечку!

— Да у меня, кажется, ничего нѣтъ подходящаго то для тебя. А ту ты прочиталъ? — въ свою очередь спросилъ Аверьяновъ.

— Ну, да, прочиталъ, — отвѣтилъ Яшка.

— А понялъ ли что-нибудь?

— Все понялъ, — отвѣтилъ самоувѣренно Яшка.

— А ну, разскажи, какъ ты понялъ, — улыбаясь задалъ вопросъ Аверьяновъ.

Онъ давалъ ему маленькій разсказъ изъ деревенской жизни (Семенова). Тамъ говорилось, какъ одинъ деревенскій парень, добрый, старательный и умный, но только бѣдный, полюбилъ одну дѣвушку изъ зажиточной семьи другой деревни. Однажды онъ возвращался со свиданья со своей возлюбленной, и нашелъ въ полѣ цѣлую штуку ситцу. Онъ уже мечталъ, какъ онъ подаритъ ее своей возлюбленной, и вдругъ услыхалъ бѣшенную скач-

ку и крики. Инстинктивно онъ спрятался за кочки въ близъ лежащемъ болотѣ. Его все-таки увидали, схватили. То были крестьяне изъ его села. Ситецъ этотъ былъ украденъ ворами у сельскаго старосты. Одну штуку ситца воры по дорогѣ потеряли. Спрашиваютъ: гдѣ былъ? Куда идешь? Онъ не хотѣлъ сказать, не хотѣлъ надѣлать стыда своей возлюбленной. Его связали, избили и отправили въ волость судить.

Да тутъ и разсказывать-то нечего, проговорилъ Яшка, пропалъ бы человѣкъ ни за что, если бы не эта самая дѣвушка не постыдилась и сказала все, какъ было. А все это надѣлалъ было староста, потому что былъ золъ на него, за то, что онъ ему перечилъ и стоялъ за миръ. Какъ видно, богатѣи-то больше несправедливы, нежели бѣдные, закончилъ Яшка.

— Вѣрно, — подтвердилъ Аверьяновъ, — они несправедливы уже тѣмъ однимъ, что богаты, — добавилъ онъ, открывая снова сак-вояжъ.

Яшка, ободренный словомъ „вѣрно", хотѣлъ продолжать разговоръ дальше.

— Почему? — спросилъ онъ.

— Да потому, что всѣ богатства то должны принадлежать всѣмъ, мы всѣ разомъ добываемъ и вырабатываемъ ихъ, а не для кучки людей, да еще ничего не дѣлающихъ.

Яшка смотрѣлъ на Аверьянова немигающими глазами. Онъ въ первый разъ услышалъ такія слова, и не могъ понять ихъ.

Аверьяновъ нашелъ брошюрку „Донской Рѣчи", и, передавая ее Яшкѣ, сказалъ:

— Прочти вотъ эту.

А видя, что онъ на него такъ смотритъ, добавилъ:

— Не бросай читать, вырастешь, будешь знать.

Онъ поставилъ сак-вояжъ подъ нары, взялъ съ наръ Некрасова и пошелъ по проходу къ выходу.

Старики и богомолы искоса поглядывали на него. Они звали его, кто штундистомъ, кто соціалистомъ, а богомолы такъ просто нехристомъ, потому что онъ не ходилъ въ церковь. Они его ненавидѣли, и все-таки слѣдили за каждымъ его дѣйствіемъ и поступкомъ, а порой даже хвалили, что онъ примѣрно себя ведетъ.

Выйдя на дворъ, онъ закурилъ папиросу, затянулся и посмотрѣлъ вокругъ. Видъ не важный. Кругомъ заборъ, напротивъ два большихъ фабричныхъ зданія. Онъ поднялъ глаза вверхъ. Былъ ясный осенній день. Осеннее солнце низко надъ землей совершало свой путь. По голубому небу плыли рѣдкія бѣлоснѣжныя облака съ посеребрянными солнцемъ краями.

Хорошо, — подумалъ про себя Аверьяновъ, докуривъ папироску. Онъ отбросилъ отъ себя окурокъ, и вздохнувъ полной грудью, повернулъ за уголъ спальни. За мужской спальней была женская. У него была тамъ землячка, дѣвушка по имени Вѣра Константиновна, богомольная и религіозная на рѣдкость; но онъ все-таки поддерживалъ съ ней знакомство, хотя и расходился съ ней во многихъ мнѣніяхъ. Онъ порой заходилъ къ ней на чашку чаю, поговорить о томъ, о семъ, о злобѣ дня. Теперь же онъ шелъ прочитать ей кое-что изъ Некрасова, такъ какъ она заявила однажды: „что-жъ, вы, Семенъ Матвѣевичъ, всегда читаете только для себя, прочли-бы для насъ что-нибудь“. И вотъ онъ собрался.

Женская спальня представляла большой контрастъ

по сравненію съ мужской. Это помѣщеніе недавно отстроилось, и, какъ видно, съ нѣкоторымъ соблюденіемъ санитарныхъ условій. Огромныя окна, дающія много свѣта, имѣли форточки и вентиляторы, а благодаря высотѣ зданія, было высоко и во внутреннемъ помѣщеніи, что обезпечивало болѣе чистый воздухъ. Нары здѣсь были не общія, а квадратныя на четыре особы, по два мѣста, на ту и другую сторону главнаго прохода, съ проходами между наръ, съ совмѣстнымъ изголовьемъ, какъ и на мужской. Въ среднихъ рядахъ, около изголовья, стояли совмѣстные столики со шкафчиками, вѣрнѣй, шкафчиксмъ, онъ былъ одинъ, раздѣленный перегородкой по срединѣ. Каждый пользовался своей половиной стола, и его половиной шкафчика. Столики были накрыты разноцвѣтными клеенками, а иные даже скатертьями съ самодѣльнми кружевами. Тѣ, которые спали по боковымъ проходамъ, имѣли столики между оконъ въ простѣнкахъ, на которыхъ висѣло и стояло на полочкахъ множество разныхъ иконъ, съ висячими и стоячими лампадками, передъ ними. На полочкахъ лежали просфирки, напоминая и раззолоченныя пасхальныя яйца, нѣкоторыя съ картиночками какого-либо святого внутри. Сами полочки были разукрашены разноцвѣтной бумажной бахромой, съ вырѣзанными зубчиками и квадратиками, а нѣкоторыя и кружевами своей работы. Постели были прикрыты чистыми, изъ пестрыхъ лоскутковъ сшитыми одѣялами. На нѣкоторыхъ лежали по двѣ и три подушки, одна другой меньше, возносящихся пирамидой кверху. Всюду было чисто и уютно. Дѣвушки и женщины въ свободное время (по праздникамъ и вечерамъ) сидѣли за своими столиками, а нѣкоторыя такъ за общимъ длиннымъ столомъ,

стоявшимъ въ углу, противъ двери, занимались рукодѣльемъ. Онѣ вязали кружева и чулки, вышивали и шили, разсказывая разныя новости и случаи, доходя до разныхъ небылицъ и сказокъ включительно.

Аверьяновъ любилъ провести часъ и другой въ ихъ обществѣ. Онъ подсаживался къ столу, облакачивался на столъ и внимательно слѣдилъ а какой-либо работой, слушая въ то же время о чемъ идетъ разговоръ. Порой вставлялъ свое словцо, соглашаясь или опровергая, или шутилъ то съ той, то съ другой дѣвушкой. Но вотъ кто-либо запѣвалъ пѣсню. Къ одинокому голосу постепенно приставали другіе голоса, а черезъ куплетъ или два она дѣлалась хоровой. Дружно лилась пѣсня, захватывая все новые и новые голоса, отодвигая мысли и чувства въ сторону, какъ горный потокъ отбрасываетъ или уноситъ разный хламъ и мусоръ со своихъ береговъ, неся далѣе только чистыя воды. Такъ льется пѣсня, обнажая всю боль души, всю тоску измученнаго женскаго сердца вѣковымъ страданіемъ и униженіемъ, духъ захватываетъ передъ величіемъ страдалицы русскаго народа!... И хочется пасть передъ ней на колѣни и сказать: Прости меня, мать!.. Прости заблудшаго сына!.. Дай мнѣ ключъ той всесильной вѣры, которая хранитъ тебя, я пойду и расчищу твой тернистый путь къ царству равенства и братства, а ты веди насъ къ нему и укажи намъ твои великіе идеалы... Идеалы матери для своихъ дѣтей, и мы достигнемъ ихъ!.. Въ такія минуты Аверьяновъ уходилъ въ себя, его глаза устремлялись въ пространство, черезъ склоненныя головы дѣвушекъ надъ работой. Онъ ловилъ каждое слово, передумывалъ его, хотя зналъ его и раньше, но одинокое

оно не имѣло такой силы, какъ здѣсь, спѣтое женской грудью, проникнутое ея чувствомъ страданья, тоски или надежды. Оно проникало въ самую глубь души, достигая самыхъ отдаленныхъ изгибовъ ея, и будило все лучшее и доброе къ жизни. Аверьяновъ опускалъ глаза, скользилъ благодарнымъ взглядомъ по склоненнымъ лицамъ дѣвушекъ и думалъ: милыя вы, добрыя! Все бы, все бы я отдалъ, только желаю я одного, чтобы вы жили безбѣдно, не изнуряемыя непосильной работой, а вотъ такъ пѣли бы и пѣли, будя въ людяхъ добрыя и святыя чувства.

Смолкала пѣсня. Дѣвушки не сразу начинали разговоръ, на нихъ тоже вліяла общая гармонія съ чувствомъ спѣтой пѣсни. Но вотъ дѣвушки, точно пробудившись, начинали перебрасываться словами и фразами. Аверьяновъ вставалъ, благодарилъ дѣвушекъ за пѣсню и, прощаясь, уходилъ. Онѣ просили его посидѣть еще и разсказать что-нибудь. Но рѣдко когда онъ оставался. Онъ зналъ, что послѣ пѣсни опять будутъ разговоры и шутки, и впечатлѣніе пѣсни испарится. А для него оно было чѣмъ-то святымъ, чего онъ и самъ не могъ объяснить себѣ, но онъ старался продлить это чувство и онъ уходилъ. Онъ уходилъ куда-либо въ уединенные уголки, а если на улицу, то старался попасть въ болѣе безлюдныя улицы. Ходилъ по улицамъ. Порой останавливался, смотрѣлъ на дома, точно былъ здѣсь первый разъ, тогда какъ бывалъ онъ въ нихъ каждый разъ, какъ только задумывался. О чемъ онъ думалъ въ такія минуты, наврядъ-ли онъ бы и самъ могъ отвѣтить. Быть можетъ, онъ искалъ разрѣшенія неразрѣшенныхъ имъ вопросовъ; быть можетъ онъ молился какому-либо однимъ имъ вѣданному богу, но только онъ возвращался всегда умиротворенный и вдохно-

вленный какой-то невѣдомой силой. Аверьяновъ, войдя въ спальню, почтительно снялъ фуражку и, улыбнувшись, проговорилъ: Миръ вамъ, русскія гражданки!

— Здравствуйте, Семенъ Матвѣевичъ! — отвѣтили дѣвушки. — Вы какъ булдахтеръ съ книжкой-то ходите, — проговорила красивая и стройная дѣвушка Катя.

— Булдахтеръ не булдахтеръ, а на старшаго дворника похожъ, когда онъ идетъ въ участокъ паспорта прописывать,—отвѣтилъ Аверьяновъ, не поправляя ея ошибки.

Дѣвушки весело засмѣялись рѣзкому сравненью, а онъ спросилъ: „Что, дома Вѣра Константиновна?“ — ни къ кому въ сущности не обращаясь, а спрашивая какъ бы всѣхъ.

— Дома, — отвѣтила Катя, шутя, и капризно надувая губки, — только къ своей землячкѣ и ходите, а не къ намъ, — проговорила она обиженно.

Аверьяновъ покраснѣлъ. Онъ былъ застѣнчивъ съ женщинами, а съ дѣвушками въ особенности.

— Что вы, Катя! — отвѣтилъ онъ, — я не дѣлаю никакого различія... Гдѣ найдется пріятная компанія и не чуждаются меня, тамъ и провожу время.

— Знаемъ, знаемъ, — бросивъ лукавый взглядъ, проговорила Катя, тѣшась его стыдливостью, и добавила:

— Идите, идите, она только что пришла изъ церкви.

Аверьяновъ повернулъ налѣво и пошелъ по проходу, около оконъ. Онъ подошелъ къ одному столику, за которымъ сидѣли три женщины и пили чай.

— Чай да сахаръ вашей милсти! — проговорилъ Аверьяновъ.

— Просимъ милости, — отвѣтили онѣ въ одинъ голосъ.

Высокая женщина лѣтъ двадцати восьми — то была Вѣра Константиновна — вставъ съ табуретки и подавая руку Аверьянову, проговорила:

— Здравствуйте, Семенъ Матвѣевичъ! Садитесь съ нами чаевничать!..

— Благодарю васъ, только что былое дѣло, — отвѣтилъ Аверьяновъ, садясь на принесенную имъ табуретку отъ другого стола.

— Чай на чай то ничего, а палка на палку то плохо, — сострила старушка въ очкахъ и добавила:

— Прости ты меня Господи грѣшницу.

Аверьяновъ посмотрѣлъ на старушку, улрыбнувшись чему-то. Старушка наливала чай на блюдцѣ. Она была чистенькая и опрятная, повязанная чернымъ платочкомъ съ красными и синими цвѣточками по краямъ. Лицо ея, изборожденное морщинами, дышало какимъ-то внутреннимъ покоемъ и укладомъ. Ея ровныя и спокойныя движенья тоже подтверждали это, какъ бы говоря: у насъ все такъ уложилось и примирилось съ собой, что намъ ничего больше не надо отъ сей жизни, развѣ отъ загробной... Ну, такъ мы для этого и стараемся.

Звали ее Агафья Ивановна. На фобрикѣ она работаетъ уже двадцать пять лѣтъ, любитъ порой разсказывать, какъ теперешній хозяинъ, нѣмецъ, пріѣхалъ изъ заграницы двадцать шесть лѣтъ назадъ, въ башмакахъ съ деревянными подошвами, поставилъ пять ткацкихъ станковъ, затѣмъ все больше и больше, а теперь у него триста пятьдесятъ, и онъ милліонщикъ, — заканчиваетъ она съ гордостью какъ бы была его компаніонкой. Прошлый мѣсяцъ хозяинъ ассигновалъ ей пожизненную пенсію въ размѣрѣ ея жалованья. Жалованья же она получала двѣ-

надцать рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ; а такъ какъ она еще продолжала работать, то получала разомъ двадцать четыре рубля въ мѣсяцъ.

Другая же старушка была сѣренькая, незамѣтная, какихъ людей порой называютъ „некудышные". Онѣ пьютъ, ѣдятъ, работаютъ, говорятъ вмѣстѣ съ вами, но какъ отошелъ отъ такого человѣка, то и забылъ о немъ, точно его и не было. Она пила тихонько чай и ѣла, размачивая сухіе баранки.

Какую это вы книгу принесли, Семенъ Матвѣевичъ? — спросила Вѣра Константиновна, доливая кипяткомъ стаканъ чаю изъ бѣлаго эмалированнаго чайника.

— Я хочу вамъ прочитать кое-что изъ стиховъ сочиненія Некрасова, а то вы все обижаетесь, что я только для себя читаю, — отвѣтилъ Аверьяновъ.

— Ну, да, для себя, только бы сами все знали, а съ нами подѣлиться не хотите, — улыбаясь закончила Вѣра Константиновна.

— Что вы, что вы, Вѣра Константиновна! — торопливо заговорилъ Аверьянъ. Совершенно напротивъ, смѣю васъ увѣрить, да мнѣ грудь распираетъ, сказать по правдѣ, когда я прочту что-либо такое, хватающее какъ-бы сказать, за душу и сердце, тогда мнѣ хочется кричать, сказать и разсказать каждому встрѣчному и поперечному.

— Успокойтесь, Семенъ Матвѣевичъ, я только пошутила, — сказала Вѣра Константиновна, а обращаясь къ старушкамъ и глядя на Агафью Ивановну проговорила: ужъ такъ онъ любитъ читать, такъ любитъ... я и не знаю.

— Да-а-, протянула Агафья Ивановна.

— Страсть, — продолжала Вѣра Константиновна.

— Знаете ли, Агафья Ивановна...

— Ну, — отозвалася та.

— Мы работали въ... (тутъ она назвала городъ), такъ вотъ онъ тамъ бралъ книги изъ земской библіотеки. А рабочіе тамъ спали все въ фабрикѣ, подъ своими станками. Такъ вотъ онъ тамъ, — усмѣхнувшись, продолжала она, — читалъ ночью, лежа подъ своимъ станкомъ. Это мы подглядывали. Сколько разъ порой пугали его, и какъ бы оправдываясь на строгій взглядъ старушки, покраснѣвъ торопливо продолжала, — мы подглядывали то потому, что у него была гармошка, а намъ хотѣлось, чтобъ онъ вышелъ и поигралъ намъ.

— И вы то хороши были! Палка плакала по васъ, — тихимъ, нраво-учительнымъ тономъ проговорила Агафья Ивановна.

Вѣра Константиновна чуть покраснѣла, и какъ бы не слыша, продолжала:

— Такъ вотъ онъ читаетъ, читаетъ да и заснетъ, а лампа то и горитъ до самаго утра.

— Нехорошо, — замѣтила Агафья Ивановна,—этакъ онъ и пожаръ могъ сдѣлать.

— А то еще что! — продолжала Вѣра Константиновна, — одинъ разъ хозяинъ увидалъ свѣтъ въ фабрикѣ, посылаетъ дворника узнать, что тамъ. Дворникъ пришелъ, видитъ — онъ читаетъ. Сказалъ хозяину, — и она засмѣялась. — На утро молодчика въ контору. Хозяинъ хорошо проругалъ его и сказалъ, что если повторится еще разъ, то или штрафъ получитъ или расчетъ... Что, неправда, скажете? — смѣясь обратилась она къ Аверьянову.

— Я ничего не говорю, — отвѣтилъ онъ, немного краснѣя.

— И что же вы думаете, онъ не унялся таки. Послѣ этого, — смѣясь продолжала Вѣра Константиновна, — сталъ дѣлать такъ: одѣяломъ заслонитъ окно, чтобы свѣтъ на улицу не выходилъ, а въ пальто и сапогахъ ложится и читаетъ. Это намъ его сосѣди разсказывали,— закончила она, весело смѣясь.

Аверьяновъ чувствовалъ себя неловко, покраснѣлъ, какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

А Агафья Ивановна проговорила: „Не хорошо, не хорошо, вы еще молодой человѣкъ", а наливая чай изъ чашки на блюдце, добавила: „Этакъ вы чего добраго дочитаетесь, что и ума лишитесь, — закончила она.

Ну, этого то я не боюсь, — возразилъ Аверьяновъ, — я имѣю крѣпкую голову, мнѣ хочется все знать, а если я ничего не читаю, то чувствую, что я хожу точно въ потемкахъ.

— Вотъ видишь, Агафья Ивановна, ни за что вы не оттащите его отъ книгъ, — проговорила Вѣра Константиновна, растянуто проговоривъ слово „ни за что". Зато онъ хорошо читаетъ, какъ говоритъ, обратилась она снова къ Агафьѣ Ивановнѣ. А обращаясь къ Аверьянову, проговорила: не прочтете ли намъ вотъ этотъ листочекъ? Мы были у обѣдни то съ Агафьей Ивановной у Пантелеймона, такъ оттуда и принесли.

Она потянулась за листкомъ, который лежалъ на столѣ около Агафьи Ивановны, на которомъ до сей поры покоилась просфирка, стоя на самомъ лицѣ изображенья Иверской Божьей Матери. Агафья Ивановна благоговѣйно взяла просфирку съ листка, и, протягивая ее Вѣрѣ Константиновнѣ, проговорила:

— Константиновна, ты побольше меня, поставь ее, пожалуйста, на полочку около Николая Угодника.

Вѣра Константиновна поставила просфирку, а садясь на табуретку, протянула листокъ Аверьянову, говоря:

— Прочтите намъ, Семенъ Матвѣевичъ!

Аверьяновъ покраснѣлъ. Укоризненно и строго посмотрѣлъ на Вѣру Константиновну. А она, взглянувъ на него, тоже сконфузилась и опустила руку на колѣни. Потомъ, обращаясь къ Агафьѣ Ивановнѣ, какъ бы стыдясь проговорила:

— Вотъ только онъ не любитъ читать ничего божественнаго.

Агафья Ивановна вскинула глазами на Аверьянова, а поправивъ очки на носу, проговорила:

— Что-жъ вы, молодой человѣкъ, нехристь какой, что-ли?

Аверьяновъ ничего не отвѣтилъ; слегка поблѣднѣвъ, глубоко вздохнулъ и уткнулъ свой взглядъ въ стоящій передъ нимъ стаканъ чаю.

— А въ церковь то вы ходите? — допрашивала Агафья Ивановна.

Аверьяновъ отвѣтилъ не сразу. Густо покраснѣвъ, онъ нервно поправился на табуреткѣ, а выпивъ глотокъ чаю изъ остывшаго стакана, пристально посмотрѣлъ на Агафью Ивановну, и протяжно сказалъ:

— Да... я не хожу въ церковь!..

Вѣра Константиновна низко наклонилась надъ чашкой чаю, точно разсматривала какую-то интересную панораму на днѣ чашки. Агафья Ивановна, снявъ очки съ носа, протирала ихъ своимъ фартухомъ. Аверьяновъ же

взялъ стаканъ въ руку и пилъ большими глотками совершенно холодный чай.

Агафья Ивановна, вытеревъ очки, и передъ тѣмъ какъ водрузить ихъ на свое обычное мѣсто, посмтрѣла на Аверьянова сѣренькими, выцвѣтшими глазами, точно желая разсмотрѣть его безъ очковъ, тогда какъ она лучше видѣла въ очкахъ. Кладя очки на носъ и заложивъ проволочки за уши, она прговрила:

— Такъ вотъ вы какой!..

Аверьяновъ сидѣлъ спокойно. Онъ было досталъ папиросы, желая закурить, но раздумалъ и положилъ обратно.

Агафья Ивановна, откашлянувшись и вздрогнувъ какой-то внутренней дрожью, быть можетъ передъ тѣмъ великимъ вопросомъ, какой хотѣла задать, проговорила:

— Такъ можетъ быть, вы ужъ и бога то не признаете?

Аверьяновъ всталъ, прошелъ два-три шага по проходу, и вернувшись, сѣлъ на свое мѣсто. Откашлянувшись устремилъ проницательный, почти строгій взглядъ на Агафью Ивановну, проговорилъ:

— Вы, уважаемая Агафья Ивановна, затрагиваете самые великіе вопросы, и я отъ чистаго сердца постараюсь растолковать и объяснить мое понятіе о богѣ и религіи, и почему я въ церковь не хожу. А вы тогда можете судить, — продолжалъ онъ, — правъ я или нѣтъ. Быть можетъ, я во время рѣчи опущу что изъ виду, то вы, уважаемая Агафья Ивановна, и вы, Вѣра Константиновна, можете задаь тотъ или другой вопросъ.

— Хорошо, — отвѣтила послѣдняя, — и обращаясь къ Агафьѣ Ивановнѣ добавила, улыбаясь, — быть мо-

жетъ мы съ вами, Агафья Ивановна, сдѣлаемъ его богомольнымъ.

— На то божья воля, — отвѣтила Агафья Ивановна, и обращаясь къ Аверьянову, сказала:

— Ну, такъ скажите намъ, почему вы перестали ходить въ церковь?

Аверьяновъ откашлянувъ, сказалъ:

— Пересталъ ходить я въ церковь уже семь лѣтъ.

— Господи Іисусе Христе, — проговорила Агафья Ивановна, со страхомъ взглянувъ на Аверьянова.

— Было же это такъ, — продолжалъ онъ. — Я замѣтилъ одинъ разъ, по окончанію службы, когда люди прикладываются ко кресту, то вы знаете, какая получается тѣснота и давка, каждый спѣшитъ поскорѣй приложиться и выйти на улицу. Я уже былъ около священника, — продолжалъ Аверьяновъ, и уже вытянулъ губы поцѣловать крестъ, но батюшка, поднявъ высоко крестъ надъ моей головой, протянулъ его черезъ мою голову, какъ я послѣ разсмотрѣлъ, тремъ богачамъ этого прихода; меня же, задержавшагося около батюшки, толпа чуть не сбила съ ногъ. Я вышелъ, не приложась ко кресту, и былъ злой на людей и на священника. Домой пошелъ я одинъ, не дожидаясь товарищей, — продолжалъ Аверьяновъ. Я чувствовалъ какую-то обиду и несправедливость ко мнѣ. Боясь осуждать батюшку, я все-таки не переставалъ думать объ этомъ. Я сталъ припоминать другіе случаи, припомнилъ, какъ одного мальчика чуть не задавили въ нашемъ селѣ изъ-за семьи богача Агѣева, перевшагося цѣлой семьей, состоящей изъ семи-восьми человѣкъ, ко кресту. Мальчикъ задеражлся по винѣ батюшки, какъ и

я, и былъ порядочно потоптанъ сбившей его толпой. — Аверьяновъ остановился и вздохнулъ.

Агафья Ивановна проговорила:

— Ты очень гордый или самолюбивый.

Аверьяновъ-же быстро отвѣтилъ:

— Быть можетъ и то и другое вмѣстѣ, но это нисколько не измѣняетъ положенія дѣла касательно справедливости. Короче говоря, я призналъ батюшку виновнымъ, и что для него въ церкви люди не всѣ равны, а онъ смотритъ только на кошелекъ, — закончилъ Аверьяновъ.

Вѣра Константиновна какъ бы подпрыгнула на табуреткѣ, точно что то обожгло ее, и вопросительно посмотрѣла на Агафью Ивановну.

Агафья Иванвна, переворачивая чашку кверху дномъ торопливо проговорила:

— Вотъ тутъ то ты и согрѣшилъ. Развѣ ты не знаешь, какъ Христосъ то сказалъ: не осуждай и не осужденъ будеши (растянувъ слово будеши), — продолжала она. А батюшка то, ежели и согрѣшилъ, такъ съ него и спросится, да... еще въ д-в-о-е, какъ писанье говоритъ, а ты бы богу то молиться ходилъ да ходилъ, тебѣ бы вдвое зачлось бы тамъ. Она торжественно подняла руку кверху съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

Вѣра Константиновна смотрѣла торжествующимъ взглядомъ на Аверьянова.

— Что вы скажете, Семенъ Матвѣевичъ! — проговорила она. — Вотъ она у насъ какая, Агафья то Ивановна, — и съ гордостью посмотрѣла на старушку, а она, довольная своимъ отвѣтомъ, и польщенная похвалой Вѣры Константиновны, вопросительно, почти что торжествующе смотрѣла на Аверьянова.

Аверьяновъ всталъ и прошелся по проходу, а Вѣра Константиновна замѣтила ему, улыбаясь:

— Да вы не убѣгайте, Семенъ Матвѣевичъ!

Аверьяновъ быстро повернулся, и улыбаясь, подошелъ къ столу, а вставъ противъ Вѣры Константиновны, проговорилъ:

— Но только не Аверьяновъ, я желаю оставить побѣду за мной.

— Только не на этотъ разъ, — возразила Вѣра Константиновна. — Правда? — обратилась она къ Агафьѣ Ивановнѣ.

— Увидимъ, — сказала послѣдняя. — Ну, говорите, — обратилась она къ Аверьянову.

Аверьяновъ, садясь на табуретку, проговорилъ:

— Вы, уважаемая Агафья Ивановна, сослались на Евангеліе, хотя я и не силенъ въ немъ, но постараюсь указать вамъ, что говорится въ другомъ мѣстѣ, тоже тамъ. Тамъ говорится: если человѣкъ поступаетъ несправедливо, то пойди и скажи ему; если онъ не послушаетъ, то возьми еще человѣка и снова скажи, ежели и опять не послушалъ, возьми третьяго и еще скажи ему, чтобъ онъ устыдился, а ежели не подѣйствовало, то скажи во всеуслышаніе, чтобъ каждый зналъ каковъ онъ есть. Но я не дѣлалъ этого и не желаю, въ виду того, что онъ самъ хорошо знаетъ эти слова, а поступаетъ иначе. Значитъ онъ — волкъ въ овечьей шкурѣ, какъ сказалъ тотъ же Христосъ, — закончилъ Аверьяновъ.

— Другой вопросъ: почему я не молюсь? Да, я желалъ бы знать, кто мнѣ скажетъ и доподлинно доведетъ, что всѣ эти молитвы и вся церковная служба, тянущаяся по нѣсколько часовъ, составленная такими же людьми,

какъ и мы съ вами, только въ ризахъ, митрахъ и монашескихъ клобукахъ, есть пріятна богу. Быть можетъ, она ему противна, какъ намъ противно что-либо очень сладкое...

Аверьяновъ всталъ, снова вынулъ папиросы и опять положилъ въ карманъ.

Сѣренькая старушка съ ужасомъ взглянула на Аверьянова и, шепча губами: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ“ — пошла куда-то въ другое мѣсто.

Агафья Ивановна сидѣла не шевелясь, какъ бы застывшая, и слѣдила за движеніями Аверьянова. Вѣра Константиновна съ широко открытыми глазами, въ которыхъ былъ видѣнъ одинъ безпредѣльный ужасъ, не мигая, смотрѣла на Аверьянова.

Аверьяновъ сѣлъ теперь на мѣсто ушедшей старушки и заговорилъ:

— Разъ мы признаемъ, что онъ Всемогущій, Вездѣсущій и Всевѣдующій, сотворившій землю и насъ и все, что мы видимъ, можетъ-ли такой Всемогущій властелинъ нуждаться въ нашихъ молитвахъ, тѣмъ болѣе лепета нашего ничтожнаго языка, чтобъ славилъ его, и просилъ у него, да онъ на милліоны и милліарды лѣтъ уже долженъ знать, кто гдѣ будетъ жить и чѣмъ нуждаться, а разъ онъ насъ сотворилъ, то долженъ и дать въ чемъ мы нуждаемся. Онъ и даетъ всего въ достаткѣ, не его вина, что многіе умираютъ съ голоду, но объ этомъ послѣ. А наши молитвы и пресмыканья только могутъ вселить отвращенье къ намъ же, какъ сильнаго къ слабому. Ну, допустимъ, что онъ принималъ бы наши молитвы, допустимъ, что онѣ пріятны ему, такъ это только бы показало,

что онъ такой же самолюбецъ, какъ и мы, а разъ самолюбецъ, то и гордецъ, потому что любитъ, чтобъ ему кланялись, такъ какой же это богъ, позвольте васъ спросить.

— Агафья Ивановна! — воскликнулъ Аверьяновъ, быстро отсунувшись отъ стола, разомъ съ табуреткой, точно сторонясь невидимаго бога только что обрисованнаго имъ.

Агафья Ивановна съ дрожью въ голосѣ проговорила, не зная что сказать: не то, не то...

Ее уже страшила мысль, какъ далеко она зашла въ споръ и какихъ непоправимыхъ грѣховъ надѣлала этимъ. Посмотрѣвъ кругомъ на молча слушавшихъ дѣвушекъ, сидѣвшими за своими столиками, и на нарахъ, она не хотѣла уронить своего достоинства и уваженья. Ея мысль усиленно работала, ища отвѣта. И вотъ спасительная мысль осѣнила ее. Дрожащимъ и возвышеннымъ голосомъ она воскликнула:

— За грѣхи, за грѣхи! Мы должны молиться за наши собственные грѣхи и за весь міръ!..

Она ободрилась собственными словами, какъ бы почувствовавъ грунтъ подъ ногами; побѣдоносно посмотрѣла на Аверьянова и перевела взглядъ на Вѣру Константиновну, а черезъ очки посмотрѣла на окружающихъ.

Вѣра Константиновна слабо улыбнулась, какъ утопающій, когда почувствуетъ почву подъ ногами.

Слушающія дѣвочки и женщины свободно отдохнули, точно камень сваливши съ груди.

Аверьяновъ, вынувъ платокъ, стеръ немного вспотѣвшее лицо, а придвинувъ табуретку разомъ съ собой къ столу, проговорилъ:

— Ну, уважаемая Агафья Ивановна и Вѣра Константиновна, теперь у насъ съ вами будетъ послѣдній рѣшительный бой, или вѣрнѣе, я вырву у васъ послѣднюю доску грунта, на которой вы стоите.

Сказавъ это, Аверьяновъ посмотрѣлъ на нихъ. Какой то безотчетный и безпоомщный страхъ тѣнью проскользнулъ по ихъ лицамъ, и застылъ въ немигающихъ глазахъ, устремленныхъ на Аверьянова. Онъ же, замѣтивъ это, поспѣшилъ успокоить ихъ, говоря:

— Но не думайте, что я вырвавъ вашу подпору не дамъ вамъ ничего. Нѣтъ ничего хуже и ужаснѣй, какъ ни во что не вѣрить. Теперь же, — продолжалъ онъ, — мы разберемъ, а вѣрнѣй, такъ разсортируемъ, откуда и какіе грѣхи у насъ, и кто виноватъ въ этомъ: виноваты ли мы сами или кто-либо другой, такъ сказать, найдемъ корень грѣха, гдѣ онъ зарождается.

— Трудненько это будетъ, — замѣтила Агафья Ивановна.

— Да, не легко, — согласился Аверьяновъ. — Да безъ труда не вынешь и рыбку изъ пруда, говоритъ пословица, и вѣрно, мы затронули такіе вопросы, что голова трещитъ, — закончилъ онъ. — Ну, а теперь начинаемъ, о наибольшемъ грѣхѣ спрошу я васъ самъ, хотя при теперешнемъ положеніи или, какъ говорятъ ученые, системѣ управленія, и его можно оправдать. Людей вы, Агафья Ивановна, не убивали?

Старушка вздрогнула, точно отъ неожиданнаго укола иголки. Мелкая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу и выступила на рукахъ. Она строго посмотрѣла на Аверьянова, и дрогнувшимъ голосомъ проговорила:

— Что вы, что вы, Господь съ вами; да я не только

человѣка, но и букашку, тварь, и ту жалѣю убить, не только что человѣка.

— Простите меня, Агафья Ивановна, я не хотѣлъ васъ обидѣть или оскорбить, а такъ, къ слову пришлось, — извинялся Аверьяновъ.

— Ничего, ничего — проговорила Агафья Ивановна. Какая то безотчетная надежда зародилась въ ней на хорошее окончаніе всѣхъ этихъ потрясающихъ вопросовъ, и она сказала: говорите.

— Теперь спрашивайте вы, а я постараюсь найти начало грѣха, — сказалъ Аверьяновъ.

— Объясните намъ этотъ грѣхъ „не укради", какъ говоритъ заповѣдь, — улыбнувшись сказала Вѣра Константиновна, и добавила: вотъ порокъ-то.

— Да, да, да! — послышались голоса съ сосѣднихъ столиковъ и наръ, а красавица Катя приговорила:

— Его послушаешь, или до раю дойдешь или въ адъ попадешь.

— Ну, такой красавицѣ и въ аду не плохо бы было, всѣ тамошніе хозяева ухаживали бы за вами, — сострилъ Аверьяновъ.

Взрывъ смѣха прокатился по спальнѣ. Между смѣхомъ вырывались фразы:

— Хороши хозяева, да и поклонники тоже!

Аверьяновъ же, обратясь къ Вѣрѣ Константиновнѣ, сказалъ:

— Такъ вы желаете объяснить себѣ этотъ грѣхъ? Удачный грѣхъ вы выбрали, скажу я вамъ. Онъ есть разсадникъ почти всѣхъ послѣдующихъ грѣховъ, такъ или иначе связанныхъ съ нимъ. Допустимъ, что вы укра-

ли деньги у бѣднаго или богатаго, то не дѣлаетъ разницы, и вы считаете, что вы сдѣлали грѣхъ?

— Ну, конечно, это ясно, какъ день, безъ всякихъ объясненій проговорила Вѣра Константиновна.

— Хорошо, — согласился Аверьяновъ, — теперь разсмотримъ, что васъ заставило украсть? Нужда и бѣдность, — отвѣчу я за васъ.

Вѣра Константиновна кивнула головой.

— Дальше. Но вы были работницей какого либо хозяина, и онъ, чтобъ разбогатѣть поскорѣй, не доплатилъ вамъ вашего жалованья.

— Да онъ заплатилъ мнѣ все, — возразила Вѣра Константиновна.

— Онъ вамъ заплатилъ столько, чтобы вы не умерли съ голоду, когда работали у него, а весь барышъ отъ вашей работы положилъ себѣ въ карманъ, съ чего и составляется его богатство. Такъ видите теперь, кто первый былъ воръ? Вашъ хозяинъ, не отдавъ вамъ всей (не только всей, а третьей части) заработанной платы онъ обокралъ васъ, этимъ самымъ ввергнулъ васъ въ бѣдность, а когда вы дойдете до безвыходнаго положенья, то будете способны на все. Вы только подумайте о человѣкѣ, лишенномъ работы, неимѣющемъ ни крова, ни пищи, и безъ гроша въ карманѣ, на что онъ способенъ. Нѣкоторые идутъ грабить и убивать, другіе убиваютъ себя, третьи дѣлаютъ разныя подлости, чтобъ только не умереть съ голоду. Женщины и дѣвушки идутъ на улицы и въ распутные дома продавать себя, да мало ли всевозможныхъ вопіющихъ грѣховъ найдется, и все это породило воровство хозяина.

— Все это — ужасная правда, — сказала Агафья

Ивановна, но хозяинъ то не виноватъ, что онъ не имѣетъ для всѣхъ работы.

— Именно онъ то и виноватъ, и всѣ хозяева вмѣстѣ взятые, — возразилъ Аверьяновъ. — Они заставляютъ однихъ работать день и ночь или по двѣнадцати и пятнадцать часовъ въ сутки, а другихъ выбрасываютъ на улицы, чтобы они, наголодавшись и нахолодавшись, пришли у него просить работы, тогда онъ выбрасываетъ тѣхъ, кто работалъ, а беретъ изголодавшихся и платитъ имъ сколько хочетъ, вѣрнѣй сказать, воруетъ сколько вздумается.

— Боже мой! Боже мой! — точно простонала Агафья Ивановна, — все это правда, гдѣ же дорога то? куда же идти то?

— Я показалъ вамъ корень зла, — сказалъ Аверьяновъ — теперь же, уважаемыя противницы, я покажу вамъ мою вѣру и моего бога.

— Мой богъ, — началъ онъ, — есть правда и любовь къ ближнему, а вѣра основывается на одной заповѣди: „не дѣлай того ближнему, чего себѣ не желаешь“. Коль скоро мы будемъ исполнять эту заповѣдь и слушаться этого бога, то зло само собой должно прекратиться, а царство божіе воцарится на землѣ. А если есть рай, о которомъ вы такъ зоботитесь, — обратился онъ къ Агафьѣ Ивановнѣ, — то мы, живя здѣсь не дурно, когда умремъ, то переселимся еще въ лучшій міръ.

— И такъ, вы не считаете никакихъ грѣховъ за собой? — спросила Аверьянова Вѣра Константиновна.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтилъ Аверьяновъ, — за исключеніемъ очень ничего не значущихъ и не принесшихъ вреда ближнимъ, а скорѣй самому себѣ. Такъ все-

вѣдающій богъ знаетъ изъ какого матеріала я сотворенъ, а если есть такіе недостатки и грѣшки, то долженъ простить ихъ, такъ какъ онъ видѣлъ мое старанье жить по правдѣ.

— И вы думаете, что когда умрете, то попадете въ рай? — въ свою очередь спросила Агафья Ивановна.

— Да я же вамъ сказалъ! — воскликнулъ Аверьяновъ, — что иначе быть не можетъ. Всѣ эти грѣхи принудили насъ сдѣлать богачи, они и виноваты во всемъ, а я и вы и всѣ вообще бѣдные, живущіе своимъ трудомъ, безо всякихъ молитвъ и пресмыкательствъ, только живя по правдѣ и любви къ ближнему, попадемъ въ рай, а живя такъ, — продолжалъ Аверьяновъ, — мы сплотимся въ одну большую любящую семью, гдѣ не будетъ мѣста насильникамъ, и они растворятся и уничтожатся въ великомъ океанѣ человѣческой любви. Люди перестанутъ считать — это твое, а это мое, все будетъ у насъ общее, и каждый будетъ имѣть всего въ достаткѣ, и рай земной настанетъ на землѣ.

— Такъ будемъ же дружно жить и работать словомъ и дѣломъ! — воскликнулъ Аверьяновъ, — для этихъ двухъ раевъ, на землѣ и на небѣ, забудемъ всѣ мелкія обиды другъ противъ друга, и выступимъ всѣ дружной ратью, вооруженные правдой и любовью къ ближнему противъ общаго врага, хозяина и капитала, этихъ воровъ и грабителей, на законномъ основаніи.

— Я первый! — воскликнулъ Аверьяновъ. Глаза его горѣли. Казалось, искры сыпались изъ нихъ. Протягиваю руку вамъ, Агафья Ивановна и Вѣра Константиновна, прошу простить меня. Быть можетъ, я самъ того не замѣчая, когда либо обидѣлъ васъ.

Онъ всталъ и протянулъ руку Агафьѣ Ивановнѣ. Старушка улыбалась счастливой улыбкой, ея лицо точно сіяло, въ глазахъ блестѣли слезы. Она поднесла было уголъ фартуха оттереть ихъ, но, замѣтивъ протянутую руку Аверьянова, поспѣшно встала, какъ позволяли ей на то ея лѣта, и взявъ его за руку, потянула къ себѣ, говоря:

— Подойди, сынъ мой, я поцѣлую тебя, ты указалъ намъ ту справедливую дорогу и твоего справедливаго бога, какимъ онъ и долженъ быть. — И она поцѣловала его въ лобъ, уронивъ на его щеку слезу.

Аверьяновъ быстро отвернулся къ простѣнку, вынулъ платокъ, какъ бы вытереть эту слезу, а по пути вытеръ и свои собственныя...

Раздался фабричный звонокъ, призывающій къ обѣду. Аверьяновъ взялъ съ наръ Некрасова, гдѣ онъ лежалъ все время, и проговорилъ:

— Ну, а теперь надо идти на обѣдъ, книжку почитаемъ когда либо въ другой разъ, — добавилъ онъ. И пожелавъ всѣмъ пріятнаго аппетита и сказавъ „до свиданья“ всѣмъ вообще, пошелъ къ выходу. Вслѣдъ ему слышались голоса, приглашающіе его приходить почаще.

— Спасибо, спасибо, вашъ гость,—закончилъ Аверьяновъ, и вышелъ изъ спальни.

Конецъ.

11-го ноября 1914 г.

Цѣна 10 сентовъ.

Съ требованіями обращаться къ:

S. Manenkoff

520 13th St., College Point, N. Y

Pinski-Massel Press, Inc. 84 Bowery, New York.

LIBRARY OF CONGRESS

00023935569